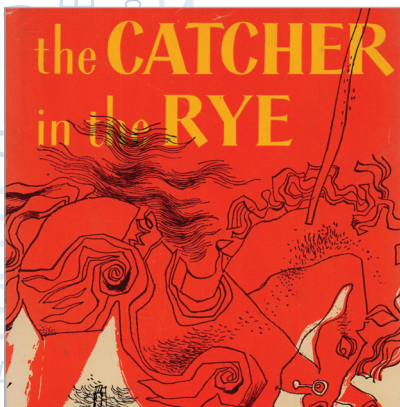

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**ИТОГИ 2017 ГОДА
И ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ**

№ 40 / 2018

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2018

УДК 327.54(47:[4+73])
ББК 66.4(2Рос),9(0),30
К78

Российский совет по международным делам

Президент РСМД – докт. ист. наук, член-корр. РАН И.С. Иванов

Генеральный директор РСМД – канд. ист. наук А.В. Картунов

Автор:

А.М. Крамаренко

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук Т.А. Махмутов; И.А. Сорокина

Крамаренко, А.М.

К78 Итоги 2017 года и внешние вызовы России : рабочая тетрадь № 40/2018 / [А. М. Крамаренко] ; Российский совет по междунар. делам (НП РСМД). – М. : НП РСМД, 2018. – 40 с. – Авт. указан на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6040387-4-1

В Рабочей тетради подводятся итоги развития международных отношений и внешнеполитической деятельности России в 2017 г., обозначены перспективные тенденции глобальной и региональной политики и внешние вызовы России на ближайшее будущее. Особый упор делается на отношениях России с Западом, в том числе через призму анализа О. Шпенглера в его «Закате Западного мира». Начало конца западного доминирования в мировых делах акцентировалось переходом к России от США инициативы в силовой политике. Соответственно, Крым и успех российской политики в Сирии создали мощный оттеняющий фон процессу, который был отложен во времени на целых 25 лет. Теперь можно с уверенностью говорить о реальном окончании холодной войны. Логика развития запущенных событий может привести к прояснению базовых параметров новой ситуации в Евро-Атлантике и мире к 2021 г.

**УДК 327.54(47:[4+73])
ББК 66.4(2Рос),9(0),30**

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете его скачать и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке – russiancouncil.ru/paper40

© А.М. Крамаренко, текст, 2018
© Составление, оформление, дизайн обложки. НП РСМД, 2018

Содержание

Введение	4
Время читать О. Шпенглера?	5
Россия — Запад: конвергенция и синтез?	13
Будущее отношений России и Запада: «русская точка зрения» (В. Вульф)?	18
Ближний Восток	24
Восточная Азия и другие регионы	27
Вызовы ближайшего будущего	29
2018 год: перспективные тенденции политики	32
Об авторе	39

Введение

2017 г. обещает остаться в истории как не менее трансформационный для мирового развития и всей системы международных отношений, чем год Русской революции. Он прошёл под знаком президентства Д. Трампа и начала переговоров по «Брекситу». Очевидно, что без второго не было бы первого. Начало конца западного доминирования в мировых делах акцентировалось переходом к России от США инициативы в силовой политике. Соответственно, Крым и успех российской политики в Сирии создавали мощный оттеняющий фон процессу, который был отложен во времени на целых 25 лет. Одновременно можно с уверенностью говорить о реальном окончании холодной войны, хотя бы и под аккомпанемент разговоров о новой холодной войне: дважды войти в один и тот же поток нельзя.

Действительно, в ходу сравнения (и запугивания) с событиями столетней давности. В таком случае логичнее было бы взять более широкий временной период, скажем, с 1914 по 1921 гг., имея в виду начало Первой мировой войны и окончание Гражданской войны в России. Разногласия по Украине и операция Воздушно-космических сил (ВКС) России в Сирии вылились в псевдвойну на уровне санкций и параллельных военных действий без прямого конфликта между Западом и Россией, что уже говорит о совершенно ином качестве нынешней ситуации. Революция на этот раз не в России, которая возвращается на зерновой рынок, а на Западе – в этом другое отличие. Главное, что никто не прогнозирует погружение Запада в кровавый хаос, поскольку срабатывает прямая демократия, страхующая давшую сбой представительную демократию. Как и тогда, были события, которые предвещали нынешний кризис: «цветные революции», Мюнхенская речь президента В. Путина и испытание российской власти Кавказским кризисом в 2008 г. Вполне можно предположить, что логика развития запущенных событий приведёт к прояснению базовых параметров новой, после-революционной (но не послевоенной, как 100 лет назад) ситуации в Евро-Атлантике и мире к 2021 г.

Время читать О. Шпенглера?

Состояние Западного мира в силу его исторически сложившейся роли в мировой политике, экономике и финансах неизбежно было ключевым, если не определяющим фактором задержавшихся на старте перемен в мире. Если первая треть XX в. читалась как реализация мрачного предсказания «сумеречного» (по Н. Бердяеву¹) периода в развитии Европы, то впоследствии, на фоне в том числе второго дыхания, которое обрёл англосаксонский капитализм как результат Нового курса Ф.Д. Рузвельта и Второй мировой войны, значение трактата О. Шпенглера² сводили к области культурологии. Легко было забыть о том, что всё в развитии общества в конечном счёте сводится к культуре, культурно-цивилизационному коду. Эта истина вполне заявила о себе нынешним системным кризисом западного общества. На этот раз нет политических фигур и умов калибра Ф.Д. Рузвельта и Дж.М. Кейнса. Исключается и такое мощное средство экономического допинга, как мировая война, которая помогла выйти из Великой депрессии не только США, но и Европе. О прямой зависимости между положением дел в экономике и внешней агрессией свидетельствовало и положение дел на Дальнем Востоке, где и то и другое заявило о себе десятью годами ранее, чем в Европе. Другая особенность нынешнего момента – отсутствие у Запада «зеркала» Советского Союза, вызов которого оказывал дисциплинирующее воздействие на поведение западных элит внутри собственных стран и вовне.

На признаваемый сейчас многими перебор в социально-экономической политике западных стран в форме рейганомии/тэтчеризма наложилась эйфория победы в холодной войне, что загоняло вглубь болезнь, делая неуместным любой трезвый анализ заявивших о себе проблем общественного развития, уже не говоря о корректирующей политике. Всё это сопровождалось разгулом безыдейности («третий путь» новых лейбористов, стирание различий между ведущими политическими партиями других стран Европы и Америки). Инерция безальтернативной политики продолжалась и после Глобального финансового кризиса 2008 г., который было напугал всех и заставил Г. Брауна произнести слово «деглобализация»³ (а на саммите АТЭС даже прошёл тезис о необходимости новой парадигмы (экономического) роста⁴), но впоследствии эффект «заливания» его

¹ Бердяев Н.А. Конец Европы // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 122.

² Шпенглер О. Закат западного мира. М: Альфа-книга, 2010. О.Шпенглер определял упадок как «медленное проникновение первобытных состояний в высокочивилизованный образ жизни». Этому предшествуют «распад народных организмов, имеющих ныне черты преимущественно обитателей крупных городов, в бесформенные массы», а также «внутренний распад наций в бесформенное население». Указ. соч. С. 73–74.

³ World at risk of de-globalisation: Brown // The Sydney Morning Herald. January 19, 2009.
URL: <https://www.smh.com.au/world/world-at-risk-of-deglobalisation-brown-20090119-7kwe.html>

деньгами в форме «количественного смягчения» прекратил все разговоры о необходимости кардинальной смены курса. Лишь кризисные явления политического порядка в форме «подъёма популизма» и общего падения доверия западного электората к истеблишменту, включая традиционные СМИ, привели к осознанию на уровне элит серьезности и глубины переживаемого момента, но отнюдь не к альтернативной жёсткой бюджетной экономии политике.

И это несмотря на множасьи свидетельства долгосрочного характера накопившихся социально-экономических проблем, в общем знаменателе которых оказались рост неравенства, стагнация среднего дохода семей и потребительского спроса (его истоки восходят к концу 70-х гг. XX в., а отказ от золотого стандарта создал условия для бесконтрольного печатания денег и жизни в долг). Не только Тайлер Коуэн (в его электронной книге «Великая стагнация»⁵) и Тома Пикети («Капитал в XXI веке»⁶), но и многие другие экономисты и политологи (например, Дж. Стиглиц, П. Кругман, Д. Марш и М. Вулф⁷) признали факт разрушения среднего класса на Западе вследствие в том числе экспорта капитала в другие регионы мира в рамках нынешнего этапа глобализации. Всё, как, впрочем, и опыт Франции как государства-рантье накануне Первой мировой войны, указывает на то, что инвестировать необходимо прежде всего в развитие своих стран.

Таким образом, глобализация, проводившаяся в интересах инвестиционных классов западных стран и вроде как знаменовавшая победное шествие западной экономической модели по миру, сделала Запад жертвой собственного успеха, а если говорить об идеологии – и собственной пропаганды. Некоторое улучшение в течение года экономических показателей, включая занятость, не меняло существа сложившейся картины как в силу его хрупкости, так и снижения качества создаваемых рабочих мест, сплошь и рядом лишённых социальной защиты, будь то «Убер» или экономика краткосрочных контрактов в целом – *gig economy* (что объясняет стагнацию внутреннего потребительского спроса и атомизацию общества). Параллельно обозначились пути и средства к тому, чтобы можно было продолжать «жить по-старому», не меняя ничего по существу в социально-экономической политике. Речь идёт о разного рода формах государственно-частного партнёрства, включая так называемые частные финансовые инициативы в Великобритании, которые позволяли сохранить искусственно созданную в результате «финансовой алхимии» (Дж. Стиглиц⁸) стоимость, подключившись к госбюджету и его налоговой базе. Последнее стало частным проявлением того, что экономисты называют «склонностью к извле-

⁴ Martin M. The 2009 Asia Pacific Economic Cooperation (APEC) Meetings and U.S. Trade Policy in Asia // Congressional Research Service. February 4, 2010. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41071.pdf>

⁵ Cowen T. The Great Stagnation. NY, Dutton Adult, 2011.

⁶ Пикети Т. «Капитал в XXI веке». М.: Ад Маргинем, 2016.

⁷ В частности, заслуживает внимания книга М. Вулфа «The Shifts and the Shocks. What we've learned – and still have to learn – from the financial crisis» (London, N.-Y., Allen Lane, Penguin Books, 2014).

⁸ Professor Stiglitz' on "Financial Alchemy" // The Big Picture. September 18, 2008. URL: <http://ritholtz.com/2008/09/professor-stiglitz-on-financial-alchemy-2/>

чению ренты», присущей инвестиционным классам. Это объясняет парадокс на уровне мышления и практической политики, неспособность «переварить» неизбежность «массированного списания стоимости» в рамках посткризисной санации финансового сектора.

Опыт Европы показывает, что достигнутое в «тучные времена» единство европейцев весьма хрупко: оно ограничивалось оторванным от родной почвы средним классом с его единообразным мироощущением, основанным на достатке, уровне и характере потребления (оруэлловское «корыто», оказалось, имеет всеобщее значение). Когда волна экономического благополучия сходит и начинает разрушаться средний класс, оголяется «дно» со всем своим многообразным рельефом – национальные различия вновь мощно заявляют о себе.

Успех «Национального фронта» на президентских выборах во Франции в мае и «Альтернативы для Германии» на выборах в сентябре, последующие выборы в Австрии и Чехии показали, что ни одна из ведущих стран Запада не является исключением из общего правила. Это делает необидительными обвинения европейцев по адресу англосаксов в том, что те единолично «закрывают» либеральный проект⁹. По крайней мере, англичане могут считать, что они его «породили», так как стояли у истоков его создания в елизаветинскую эпоху, а затем и в период Промышленной революции. Британская империя, пусть и не столь плавно, эволюционировала в глобальную империю США, смягчив для англичан решение задачи «обретения своей роли в мире после потери империи»¹⁰ (собственно, этот момент в практическом плане наступил только сейчас, что и доказывает «Брексит»). С другой стороны, лишены оснований и выпады англосаксов по адресу европейских стран, где пришло-де время «призвать клоунов» (движение «Пяти звёзд», фигура С. Берлускони и др.). Не только сама фигура Д. Трампа, но и то, что Б. Джонсон оказался в шаге от премьерского кресла, говорят именно об этом. Само определение «клоун», как и «популизм», является эвфемизмом: речь идет о «выскачках», не говорящих на новоязе элит, тех, кто хотя бы на уровне языка не утерял связи с широкими слоями населения. Добавим, что попытку Б. Джонсона стать лидером Консервативной партии Великобритании сорвал медиамагнат Р. Мердок, которого «пустили в огород» британских СМИ с благословения М. Тэтчер (продажа ему *The Times* в 1982 г.) и который процветает в закулисной политике по обе стороны Атлантики (о разрушительном характере его теневого влияния говорит и тот факт, что именно он, согласно вызывающим до-

⁹ Достаточно сослаться на приводимую Р. Хаасом в его книге «Мир в беспорядке» цитату из отклика *Financial Times* (Т. Барбер) на исход британского Еврореферендума (2016 г.): «Не следует заблуждаться насчёт того, что голосование британцев за выход из ЕС является наиболее разрушительным из когда-либо наносившихся ударов по либеральному демократическому международному порядку, созданному по эгиде США после 1945 г. Ящик Пандоры открыт» (Haass R. *A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. Penguin books. N.Y., 2018. P. 12). Иван Крастев в статье «Восточная Европа и Брексит» (*New York Times*. June 17, 2016) писал: «психологический эффект британского референдума более важен, чем любой экономический или институциональный ущерб, который он может нанести» (URL: <https://www.nytimes.com/2016/06/17/opinion/eastern-europe-is-both-dreading-brexit-and-ready-for-it.html>).

¹⁰ Dean Acheson's Observation of Great Britain in 1962 // E-International Relations Students. August 9, 2015. URL: <http://www.e-ir.info/2015/08/09/dean-achsons-observation-of-great-britain-in-1962/>

верие источникам, присоветовал Т. Мэй провести злополучные досрочные парламентские выборы в июне 2017 г., причём вопреки преобладавшему мнению верхушки консерваторов¹¹).

Расхожим стал вывод о том, что вся партийно-политическая система западных стран изнасилась. По сути, речь идёт об аналоге «застоя» в Советском Союзе, но пока без перестройки. Осознание в кругу политэлит того, что что-то кардинально сломалось, уже присутствует, но не находит своего выражения на уровне правительственной политики. Те же реформы Э. Макрона следуют в русле неолиберальных рецептов и отражают, скорее, надежду, что можно будет обойтись без потрясений, аналогичных тем, что нам пришлось пережить в конце 1980–1990-х гг. Не следует забывать, что феномен Э. Макрона обозначил провисание политического центра на Западе и возможность быстрого, с нуля создания новой партии по Интернету. В принципе во Франции складываются условия для бонапартизма, как, к примеру, это было с Четвёртой Республикой с её бездарной политэлитой, которая вела войны в Индокитае и Алжире, прикрываясь угрозой «слева». На этот раз речь идёт об угрозе «справа», но не просматриваются ни бонапарты, ни де голли.

Соответственно, получается, что Россия, где трансформационные процессы начались с «перестройки» 30 лет назад, в этом плане оказалась впереди. Более того, мы вышли из изжившей себя идеологической оси координат капитализм-коммунизм, включая так называемую политическую целесообразность, в то время как Запад исходит из её вечности, включая пресловутую политкорректность, подавляющую общественные дебаты и саму свободу мысли. В плане осознания общественным мнением необходимости перемен лидируют англосаксы. Если «Брексит» означает выход из европроекта, у которого нет будущего по вине континентальных стран, и уход в свободное плавание многовекторной политики российского образца и фритредерства образца XIX в. (как альтернативы глобализации) под лозунгом «глобальной Британии», то США не исключают «замедления, остановки и обращения вспять» процесса глобализации, например, в ответ на резкий рост теругрозы (возможность, предусмотренная в докладе Национального совета по разведке 2004 г.)¹² и приоритете «госстроительства у себя дома» (а не того, что предусматривалось «трансформирующей дипломатией» Дж. Буша / К. Райс). По сути, негласно признаётся, что проблемы развития в сложившихся условиях могут быть решены прежде всего в рамках каждой отдельно взятой страны: отсюда акцент на суверенитет и сильные границы. Антииммиграционные настроения органично сочетаются с тем отмечаемым экономистами моментом, что в трудные экономические времена гражданство является последним материальным ресурсом большей части населения (это отмечает М. Вулф из *Financial Times*¹³). Помощник Дж. Буша по национальной безопасности С. Хедли заявил в 2016 г.,

¹¹ Источник автора в лондонском дипкорпусе.

¹² Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project.
URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=484392>

что глобализация была ошибкой¹⁴. Не лишено оснований такое сравнение: выход из глобализации может быть столь же важным для спасения Америки, сколь для России был необходим выход из войны в 1917 г.

Рассекречивание очередной порции документов по делу об убийстве Дж. Кеннеди¹⁵ напоминает о том, что его президентство обозначило определённую развилку в развитии американского общества. Убийство Дж. Кеннеди сейчас читается как выбор в пользу наработанной инерции милитаризма и антикоммунизма, предопределило катастрофу Войны во Вьетнаме и кризис изначальной Бреттон-Вудской системы, а также нынешний комплексный кризис американского и западного общества. Закрылся путь, обозначенный в Мирной речи Дж. Кеннеди 10 июня 1963 г. в Американском университете¹⁶ (она была вдохновлена энцикликой Иоанна XXIII «Мир на Земле»¹⁷). Дж. Кеннеди твёрдо стоял на позиции отказа от направления боевых частей во Вьетнам (там уже находились 16 тыс. «советников»), ссылаясь на мнение генерала Д. Макартура, который считал, что в любой войне в Азии противник будет иметь преимущество в живой силе и огневой мощи¹⁸.

Сейчас перед Америкой, похоже, стоит новая дилемма: или дать шанс мирной революции Д. Трампа, или отстаивать статус-кво любой ценой, что неизбежно введёт гражданский конфликт в стране в горячую фазу. Именно последний вариант будет чреват наиболее опасными последствиями для международного мира и безопасности, если судить по предвыборной программе Х. Клинтон и внешнеполитических наработках, подготовленных для неё Центром новой американской безопасности¹⁹ М. Флурной, которую прочли в министры обороны.

Сложнее обстоят дела в Европе, где интеграционный момент, связанный с Маастрихтом и введением единой валюты, был, похоже, упущен: вместо углубления политической, экономической, банковской и фискальной интеграции лидеры Евросоюза/еврозоны занялись более лёгким делом – политизированным расширением за счёт стран бывшего Восточного блока. Фа-

¹³ См. его статью «Демократический капитализм под угрозой» в *Financial Times* от 31 августа 2016 г., где гражданство трактуется как «коллективное право собственности», напрямую связанное с «демократическим суверенитетом».

¹⁴ Ignatius D. At annual experts' debate on strategy, zero Republicans make the case for Trump // *The Washington Post*. August 9, 2016.

URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/at-annual-experts-debate-on-strategy-zero-republicans-make-the-case-for-trump/2016/08/09/4cb456ce-5e5c-11e6-8e45-477372e89d78_story.html?utm_term=.6820ef2a059f

¹⁵ JFK files: Highlights from 2,800 previously classified records // *USA Today*. October 26, 2017.

URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2017/10/26/jfk-files-highlights-2-800-pages-previously-classified-records/805355001/>

¹⁶ Речь Д.Ф. Кеннеди в Американском Университете. 10 июня 1963 г.

URL: <http://www.coldwar.ru/kennedy/university.php>

¹⁷ Энциклика блаженного Папы Иоанна XXIII о мире среди всех народов, основанном на истине, справедливости, любви и свободе. 11 апреля 1963 г. // Католическая информационная служба. Catholic news service. URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/222/10/>

¹⁸ Clarke T. *JFK's Last Hundred Days*. Allen Lane. Penguin Books. London, N.-Y., 2013. P. 56-65, 241, 358.

¹⁹ *Extending American Power. Strategies to Expand U.S. Engagement in a Competitive World Order* / by Amb. Eric S. Edelman, James B. Steinberg, Julianne Smith, Kurt Campbell, Michèle Flournoy, Richard Fontaine, James P. Rubin, Stephen J. Hadley, Dr. Robert Kagan and Robert Zoellick // Center for a New American Security. May 16, 2016.

URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/extending-american-power-strategies-to-expand-u-s-engagement-in-a-competitive-world-order#VON18ZGLSU1>

тальная нехватка воображения поставила Евросоюз в один ряд с НАТО, где борьба за собственное выживание воспрепятствовала пониманию того, что, «чтобы остаться таким, как есть, надо измениться»²⁰ (так, от лозунга «глобальной НАТО» пришлось вернуться к территориальной обороне). Не удалось продвинуться по пути создания реальной Европы регионов, которая напоминала бы ее более естественный средневековый вариант, т. е. до создания централизованных государств с их национализмом. Последствия не заставили себя ждать как в форме кризиса еврозоны, так и роста сепаратистских настроений, наиболее ярким примером которых стала Каталония. Случай с Шотландией значительно проще, поскольку Великобритания возникла в результате её унии с Англией, к чему следует добавить общий имперский проект, который тоже себя исчерпал. Всё это объективно побуждает Лондон желать краха европроекта или его существенного, до общего рынка, демонтажа как наиболее безболезненного исхода «Брексита». Как бы то ни было, по итогам первых раундов переговоров с Брюсселем и соответствующей дискуссии в самой Великобритании сохраняются оба варианта «развода»: «жёсткий», то есть выход с хлопанием дверью, и «мягкий» – с двухлетним переходным периодом по окончании переговоров в сроки, обусловленные Лиссабонским договором.

Если за океаном перестала «работать» американская мечта, то в Европе оказался разорванным послевоенный «общественный договор». Наряду с противоречиями по линии север-юг в ЕС проявился антагонизм по линии запад-восток, отражавший в том числе оттаивание замороженного холодной войной исторического бодрствования стран Восточной Европы.

Парламентские выборы в Германии ничего не изменили в том плане, что кризис еврозоны чётко обозначил своего рода возобновление Германского вопроса в Европе, который, казалось бы, был закрыт с повторным объединением Германии. Если прежде угроза Европе исходила от германского милитаризма, то теперь – от слишком сильной в экономическом отношении Германии с её агрессивной экспортоориентированной моделью развития. Как показал греческий кризис, разразившийся в 2015 году, Германия отнюдь не готова платить за свою империю в форме еврозоны, а требуется ни много ни мало коллективизация суверенных долговых обязательств и гарантий банковских вкладов частных лиц. И это при том, что история с греческим кризисом и двуединая миграционно-террористическая угроза заставляют тех же англичан подозревать, что новый порядок в Европе будет германским. О возобновлении Германского вопроса в Европе пишет британский консервативный историк Н. Фергюсон²¹ (осел в Америке «под крылом» у неоконгов). Англосаксы, которым не свойственно толковать сомнения в пользу немцев, вне всякой политкорректности отмечают, что особенности немецкого национального самосознания и добродетели немцев странным образом в равной мере разрушают Европу. Видимо, этот, мягко

²⁰ Душенко К.В. Словарь современных цитат. URL: <https://info.wikireading.ru/272135>

²¹ Moore Ch. The EU hasn't settled the 'German question'. It's reopened it // The Spectator. June 4, 2016. URL: <https://www.spectator.co.uk/2016/06/the-eu-hasnt-settled-the-german-question-its-reopened-it/>

говоря, скептический взгляд на немцев будет всегда присутствовать в европейской политике. Только историкам, вызванным в Чекерс 24 марта 1990 г., удалось уговорить М. Тэтчер согласиться на повторное объединение Германии²², которое, похоже, стало одной из причин нынешнего политического кризиса в ФРГ. Урок из области социальной инженерии? Вполне возможно, что разрушение Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) и возвращение американских ракет в Европу будет в равной мере нацелено против России и Германии.

Здесь просматривается аналогия с неформальной американской империей, наличие которой (как, впрочем, и своё колониальное прошлое) в Вашингтоне вовсе не готовы признавать. Другое дело, что американцы реализовали План Маршалла и сумели выстроить послевоенный международный порядок, прежде всего торгово-экономический и валютно-финансовый, который обеспечивал их интересы на долгосрочной основе (ещё одно доказательство иллюзорности изначальных надежд О. Шпенглера на то, что пруссак заменит англосакса в роли мирового гегемона²³). Кстати, это позволяло им решать свои проблемы за чужой счёт, как это было с односторонней отменой золотого стандарта (предусмотренного Бреттон-Вудской системой) в 1971 г. Немаловажно и то, что внешний мир обеспечивал существование США на 8% их ВВП, если иметь в виду совокупный дефицит федерального бюджета и текущего счета платежного баланса (это до 2008 г., в настоящее время речь идёт примерно о 6%, но физический объём внешних влияний остаётся прежним – порядка 1 трлн долл.²⁴).

Германии конкурентные преимущества обеспечивает единая валюта, на что и обращает внимание Администрация Д. Трампа. Ситуация для немцев осложняется их инерцией внеисторического существования в годы холодной войны, хотя о «конце истории» они открыто не говорят. В любом случае очевидно, что к новым условиям, требующим от них исторического творчества, они не готовы, отрицая само наличие проблемы. Собственно, в этом плане германская элита ничем не отличается от других западных: альтернативы статус-кво, чего бы это ни касалось, для них не существует, тем более что любые альтернативные политические решения неизбежно означают демонтаж как глобализации, так и сложившегося «либерального миропорядка», упор на защиту социально-экономических интересов широких слоёв населения. С точки зрения международных правозащитных норм будет необходимо вернуться к тому консенсусу в этой сфере, который зафиксирован в соответствующих универсальных инструментах послевоенного периода, включая ооновские Пакты о правах человека с их балансом между правами и обязанностями, т. е. вернуться к концу 1960-х гг.

²² Roberts A. Was Margaret Thatcher right to fear a united Germany? // The Telegraph. September 13, 2009. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/margaret-thatcher/6179595/Was-Margaret-Thatcher-right-to-fear-a-united-Germany.html>

²³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М.: Эксмо, 2006. С. 86 (Наиболее акцентирована эта тема в его работе «Пруссачество и социализм».)

²⁴ См. регулярное статистическое приложение в конце каждого номера журнала *Economist* (Economic and financial indicators) URL: <https://www.economist.com>).

В части восточноевропейских членов НАТО, особенно в Балтийских государствах и Польше, ощущение отсутствия безопасности возникло не столько как следствие опасений относительно неких «видов» России на их территорию, сколько как функция напряженности в отношениях Альянса с Россией, якобы стремящейся подорвать доверие к его гарантиям безопасности посредством «агрессии» против них как «наиболее уязвимых». То есть дошло до абсурда: членство в НАТО из гарантии безопасности превратилось в источник опасений за свою безопасность. «Ротационное» военное присутствие партнеров по альянсу на территории этих стран не меняло сути дела, поскольку усугубляло разлад с Россией.

События года подтвердили, что Минск-2 в полной мере вписывается в европейскую повестку дня для Украины: реализация этих соглашений, отвечающих всем требованиям политического урегулирования как альтернативы военному решению, способствовала бы приближению Украины к европейским стандартам. Иначе лидеры Франции и Германии не подписались бы под ним. По существу, речь идёт о тесте на европейскость в русле заявленной политики ЕС. Гротескная антитеррористическая операция (АТО), в какой бы форме она ни проводилась, явно противостоит задаче реформирования страны по европейским лекалам. Пока же между реформами и войной Киев выбирает второе, рассматривая статус «прифронтового государства» чуть ли не как способ национального существования. Блокада Донецка/Луганска позволяет судить о кооптации Киевом радикал-националистов на уровне правительственной политики.

Запад явно продолжал удерживать Киев от развязывания третьего раунда вооружённой конфронтации ввиду его предсказуемого исхода. Возвращение М. Саакашвили на Украину в конце года вопреки воле властей, надо полагать, было призвано обеспечить управляемость радикалов и создание управляемой извне альтернативы нынешнему режиму, в том числе в контексте ожидаемого социального Майдана. «Проект Саакашвили» – стереотип американской политики прямого доминирования через смену режимов. Надо полагать, что сейчас весь ресурс влияния США на различные сегменты украинской элиты направлен на обеспечение его безопасности, притом что те понимают, что на них больше не рассчитывают и будут менять как класс. Тем больше, похоже, искушение Киева возобновить войну на Востоке Украины.

Россия – Запад: конвергенция и синтез?

Взаимопереплетение исторических судеб Запада и России, а России пришлось дважды срывать планы насильственного объединения Европы, заставляет усомниться в справедливости вывода О. Шпенглера о том, что миссия западного «фаустовского человека» ограничивается полётом в бесконечное пространство, то есть исследованием внешнего мира, а судьба России — познать человеческую душу²⁵ (как отмечала позднее Вирджиния Вульф в своём эссе «Русская точка зрения»²⁶, именно душа была предметом всей русской литературы XIX в.). Более исторически оправданной представляется мысль Ф.Тютчева о том, что «самим фактом своего существования Россия отрицает будущее Запада»²⁷. За внешней категоричностью этой формулы скрывается вера в конвергенцию европейской цивилизации не только после её раскола в 1054 г. и падения Константинополя в 1453 г., а также пересадки англосаксонского фактора на Североамериканский континент в начале XVII в.

Достаточно сказать, что три ветви Европейской цивилизации сыграли ключительную роль в её спасении в XX в. С фактическим выходом России из Первой мировой войны в 1917 г. на стороне Антанты её заменили американцы, тем самым сохранив баланс сил на континенте. Вторично они пришли в Европу в результате Второй мировой войны и уже остались в контексте развязанной холодной войны. Идеологическая конфронтация этого периода обеспечила глобальное доминирование Европейской цивилизации, представленной двумя противостоящими блоками, исповедовавшими различные продукты европейской политической мысли. На протяжении последних трёх веков наблюдались конвергенционные моменты между Западом и Россией, начиная с реформ Петра Великого. Они присутствовали и в XX в., будучи представлены как столыпинскими реформами, так и Новым курсом в Америке и «социализацией» экономического развития стран Западной Европы в послевоенный период. Далее шли Оттепель и разрядка. К такого рода явлениям вполне можно отнести события в Советском Союзе/России с середины 80-х гг. прошлого века.

Задним числом легко предположить, что надёжным и, пожалуй, единственным возможным способом политического и экономического объединения Евро-Атлантики в период после окончания холодной войны было бы приглашение России вступить в НАТО без всяких условий. К сожалению, западные элиты оказались неготовыми проявить такую дальновидность, в то время как любые другие варианты, прежде всего расширение НАТО на Вос-

²⁵ Шпенглер О. Закат западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. С. 650–655, 734–735, 753 (прим.), 962–963 (прим.)

²⁶ Вульф В. Обыкновенный читатель. М.: Наука, 2012. С. 137.

²⁷ Тютчев Ф. Россия и Запад. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 17.

ток, диктовали логику продолжения сдерживания России несмотря и вопреки кардинально изменившимся условиям. По сути, Запад пренебрёг советом Дж. Кеннана не пытаться вмешиваться во внутренние дела в Советском Союзе в случае «падения коммунизма»: как он справедливо считал, столь интимные процессы слишком сложны для любого внешнего вмешательства²⁸. Наверное, этот совет в равной мере относится и к грядущей трансформации Америки.

В свете опыта последних лет, особенно после Глобального финансового кризиса 2008 г., раскрылось всё значение оспариваемого вывода о развале Советского Союза как величайшей геополитической катастрофы XX в. Именно геополитической, поскольку биполярный баланс времён холодной войны был сломан и вся геополитическая конструкция потеряла устойчивость. Мечты о том, что Запад автоматически распространится на весь остальной мир, оказались иллюзией. Похоже, что автоматизм в общественных процессах срабатывает только в режиме разложения и саморазрушения (эти слова, как и «самопоражение», все чаще встречаются в аналитических материалах западных политологов). Об универсальности действия этих законов убедительно пишет Ф. Фукуяма в своей книге «Политический порядок и политическое загнивание»²⁹.

Продолжала обостряться ситуация в сфере евробезопасности как следствие логики расширенческой политики НАТО/ЕС. Её «лоскутная» архитектура так и не была сведена к общему знаменателю. Приходит на ум Реформация, когда все церкви условились жить по Священному Писанию, но расходились в его толковании. Стало очевидным, что и украинский кризис может быть урегулирован только в контексте решения общих вопросов региональной безопасности на континенте. Пока же продолжающаяся модернизация Вооружённых Сил (ВС) России остаётся гарантией как от развязывания войны в Европе, так и потенциальных инцидентов между военными России и США в других регионах мира. Новый облик ВС России стал и стабилизатором в российско-американских отношениях, по крайней мере на период до их нормализации. В отсутствие подлинно коллективного урегулирования в Европе на роль гаранта военной стабильности на континенте призван выйти комплекс отношений по линии Вашингтон – Берлин – Москва, даже если для США речь шла бы о продолжении линии на «двойное сдерживание», т.е. Германии и России одновременно, что невозможно вне прямого контакта и какой-то общей позитивной повестки дня. «Сланцевое наступление» США в Европе и лидерство в создании электромобилей (что угрожает германскому автопрому) обещает непростые американско-германские отношения.

Свидетельством продолжающейся конвергенции на уровне практической политики является частичное введение в той же Великобритании оплаты труда на уровне прожиточного минимума. Этот процесс к 2019 г. завершит-

²⁸ Getting Kennan Right // Reconsidering Russia and the Former Soviet Union. November 17, 2014. URL: <https://reconsideringrussia.org/2014/11/17/getting-kennan-right/>

²⁹ Fukuyama F. Political Order and Political Decay. London, Profile Books, 2013.

ся в России. Референдум в Швейцарии показал, что следующий шаг – всеобщий прожиточный минимум – невозможен в условиях пористых границ. Соответственно, миграционные проблемы будут в фокусе внимания всех развитых стран в контексте решения проблем их собственного развития. Вопросы развития других регионов мира, скорее всего, будут решаться «у источника», а не за счёт миграции в развитые страны. Вопрос ещё и в том, что отток образованной части населения в западные страны негативно сказывается на собственном развитии этих регионов. Достаточно привести в пример Сомали, весь образованный класс которого оказался за границей.

Трудно не согласиться с Э. Скарамуччи в том, что США теперь выступают в роли «потрясателя основ» (*disruptor*)³⁰, но прежде всего в западном мире (эту роль применительно к миру в целом в XX в. сыграла Россия — теперь она перешла к Америке). Пока трудно судить о качествах администрации Д. Трампа, но в части прогнозов можно ориентироваться на высказывания соратников президента, таких как Р. Стоун, С. Бэннон, С. Горка и др.³¹ Как они полагают, окружение новым президентом себя военными (с их высоким – 72% – рейтингом в обществе) и банкирами наряду с выводом своих ближайших соратников «в поле» может означать позиционирование для борьбы с республиканским истеблишментом в преддверии промежуточных выборов следующего года. Проявленная Д. Трампом готовность договариваться с демократами через голову верхушки Республиканской партии также говорит об этом, как, впрочем, и о том, что правление новой администрации в нынешних беспрецедентных условиях обретает надпартийный характер, а это предполагает прямой контакт президента со своим электоратом.

Внутренняя эволюция Демпартии указывает в направлении Б. Сандерса и его сторонников. Книга Х. Клинтон «Что случилось»³², в особенности отсутствие в ней позитивной программы и критика всех и вся, включая Б. Обаму, убеждает в том, что других путей и иных идей у демократов нет. В пользу этого говорит и успех британских лейбористов под руководством Дж. Корбина на июньских выборах 2017 г. Не исключено, что дело идёт к тому, чтобы поставить страну перед выбором между двумя радикализмами – левым и правым – на президентских выборах 2020 г. Пока не ясно, будет ли Д. Трамп Горбачёвым и Ельциным в одном лице для Америки и обладает ли он потенциалом реформатора/стабилизатора образца

³⁰ Anthony Scaramucci: Donald Trump Is Bringing the U.S. Back to 'Its Roots of Disruption' // Time. July 27, 2017. URL: <http://time.com/4876166/anthony-scaramucci-united-states-disruptive-startup/>

³¹ В частности, см. статью Эдварда Льюса о его разговоре с Р. Стоуном «Если Хиллари победит, нашей нации конец», *Financial Times* от 20 сентября 2016 г. (URL: <https://www.ft.com/content/44685c74-6ad5-11e6-a0b1-d87a9fea034f>); а также интервью шеф-редактора *Daily Signal* Роба Блюи с С. Горкой от 4 декабря 2017 г. под заголовком «Former White House Insider Explains Why Trump Is Uniquely Able to Challenge the Left and Media» (URL: <http://dailysignal.com/2017/12/04/former-white-house-insider-explains-trump-uniquely-able-challenge-left-media/>).

Экономический советник кампании Д. Трампа Дэвид Малпас в статье «Why our economy needs Trump» (*New York Times* от 1 сентября 2016 г.) цитирует Томаса Джефферсона: «Небольшое восстание время от времени – это хорошая вещь и столь же необходима в политическом мире, как штормы в мире физическом» (URL: <https://www.nytimes.com/2016/09/01/opinion/why-this-economy-needs-donald-trump.html>).

³² Clinton H.R. What Happened. NY, Simon and Schuster, 2017.

Ф.Д. Рузвельта или В. Путина, но уже очевидно, что будет выдерживаться курс на решение внутренних трансформационных задач с внешней политикой на отдалённом втором месте.

Сдерживание президента истеблишментом, в том числе под предлогом «российского вмешательства», будь то в рамках «государства национальной безопасности» с гипертрофированной ролью в нём разведсообщества и спецслужб или посредством удерживания в русле сложившейся внешнеполитической стратегии, обещает усиление поляризации в стране. Полемика конфронтации будут продолжать оставаться социальные сети, ставшие усилителем (*amplifier*) дрейфа в сторону прямой демократии. Можно только согласиться с мнением Н. Фергюсона о том, что без Гуттенберга не было бы и Реформации и 95 тезисов Мартина Лютера оказались бы гласом вопиющего в пустыне³³. Этот урок явно усвоил Д. Трамп. Возможно, по-новому встанет вопрос регулирования Интернета, тем более что консерваторы относят Кремниевую долину, как и Голливуд, к левому лагерю.

Пока трудно сказать, насколько «кусачей» будет вынужденная внешнеполитическая активность новой администрации. Пока всё ограничивается риторикой, ориентированной прежде всего на поддержание психологического комфорта рядового американца и специализирующейся на международных делах части политэлит, для которых важно слышать привычные тезисы и лозунги. Хотя и риторика опасна, поскольку загоняет в угол и даёт основания элите ставить вопрос о подрыве Администрацией доверия к Америке.

Не ясно также, какие формы примет трансформационная мобилизация в Америке (последний, XIX съезд Компартии Китая, прошедший в октябре 2017 г., даёт представление о том, какой будет мобилизация в целях перестройки китайской экономики, – тут все предсказуемо). Ориентиров много, и их разброс велик – от Нового курса до маккартизма, но нетрудно предположить, что роль военных может оказаться ключевой. Важно и то, что военные в последние десятилетия являются наиболее трезвомыслящей частью истеблишмента. Нет нужды говорить почему: они хорошо знают то, что другие не знают. С точки зрения отношений с Россией исключение составила реакция военных на Украину и Сирию. Но и здесь не обошлось без «войны слов»: перебор с подобного рода риторикой «работает» на тезис об остаточной биполярности в современном мире, акцентировать который в Вашингтоне не хотели бы. Было бы наивно предполагать, что Пентагон оставит без реакции утерю инициативы в силовой политике. Министр обороны Дж. Мэттис, несмотря на последовавшее решение Д. Трампа, высказался в Конгрессе в пользу сохранения достигнутой при Б. Обаме ядерной сделки с Ираном³⁴. Д. Трамп, в свою очередь, уступил военным

³³ Ferguson N. Why Twitter, Facebook and Google are the antisocial networks: <http://www.niallferguson.com/journalism/miscellany/why-twitter-facebook-and-google-are-the-antisocial-networks>

³⁴ Defense Secretary Mattis suggests sticking with Iran nuclear deal // Reuters. October 3, 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-usa/defense-secretary-mattis-suggests-sticking-with-iran-nuclear-deal-idUSKCN1C821N>

в Афганистане, согласившись на наращивание там американского контингента. Это решение можно отчасти отнести на счёт того, что сирийская ситуация заставляет американцев «подозревать», что Афганистан вполне созрел для регионального решения, которое может быть достигнуто сочетанием ограниченного и гибкого проецирования российской военной силы и креативной дипломатии России, включая московские встречи заинтересованных сторон. То есть зачем «делать подарки русским»? Не в этом ли и смысл имплантации Исламского государства (ИГ), запрещенного в России, в северные районы Афганистана?

Будущее отношений России и Запада: «русская точка зрения» (В. Вульф)?

Текущая ситуация заставляет задуматься в числе прочих и о больших вопросах, таких как Реформация и её последствия, будущее Европы вообще в новом глобальном ландшафте. На этот счёт могут быть самые разные суждения, но вряд ли можно сомневаться в том, что в очередной раз в своей истории Запад не выдержал тест на рациональность – ключевой элемент своей светской культуры. Кто виноват: измельчал ли истеблишмент или Запад оказался застигнут врасплох и дезориентирован трансформацией Россией?

Ветхозаветные юбилеи (когда раз в 50 лет прощались долги и люди освобождались от долгового рабства; а сейчас, если брать пример Греции, в таком положении оказываются целые страны), кондратьевские циклы, приближающееся 50-летие событий 1968 г. по обе стороны Атлантики – вся эта эклектика свидетельствует в пользу системного характера происходящего. 1968 г. был отмечен взлётом левой политической мысли на Западе, затем начался уход в неолиберальные / неоконсервативные галлюцинации (Айн Рэнд, Чикагская школа, перековавшиеся троцкисты и др.), которые оказались не менее разрушительными, чем коммунистические. Все кончается крахом «утопического глобализма» (Р. Рено)³⁵, в идейном плане обслуживавшего постмодернизмом, который в действительности был нацелен на стирание культурных различий: «голые» в культурном отношении массы должны были стать более податливым материалом для социальной инженерии. Если волна Реформации, докатившись до России в форме Революции, здесь потухла, то её неоконсервативный вариант скорее похож на фарс и может означать закат Реформации уже на Западе.

Шпенглеровская идея о псевдоморфозе в отношении России, которой была привита западная цивилизация, выглядит как чрезмерно категоричная. Почему не синтез и взаимообогащение? Если один из источников исследования О. Шпенглера – морфология Гёте – не вызывает сомнений, то с другим – философией Ницше – дело обстоит иначе. Конечно, нет прямой увязки его идей с нацизмом, но трудно отрицать справедливость глубокого обобщения Ф. Фукуямы (в связи с очередной годовщиной Ницше) в том плане, что «до сих пор западная философия не преодолела отрицания равенства человеческого достоинства»³⁶. Ницше перевернулся бы в гробу, если бы узнал, какого рода публика – в своём глубоко (мелко-)буржуаз-

³⁵ См. статью Эндрю Басевича «Спасти «Америку прежде всего» в журнале «Россия в глобальной политике» (2017, № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Spasti-Ameriku-prezhde-vsego-19112>).

³⁶ См. аннотацию Ф. Фукуямы на книгу Дж. Янга «Фридрих Ницше» (Nietzsche: A Philosophy in Context // New York Times. May 7, 2010. URL: <http://www.nytimes.com/2010/05/09/books/review/Fukuyama-t.html>).

ном мироощущении – взялась претворять в жизнь его идеи. Кстати, сам О. Шпенглер порвал с Архивом Ницше после прихода к власти нацистов.

О. Шпенглер усмотрел связь между Толстым и большевизмом (её, впрочем, по-своему признал Ленин в статье о Толстом), истоками русского нигилизма вообще³⁷. Но наиболее ярко эта связь с протестантским фанатизмом как на уровне мироощущения, так и в выборе слов, проявилась в неслучайно замалчивавшейся инфернальной фигуре Троцкого. Да и реальная претензия России на мировую гегемонию – в форме мировой революции – была связана с большевизмом, а значит, имела протестантские корни (неслучайно высылку ведущих представителей российской интеллигенции в 1922 г. связывают с выходом тогда в Москве сборника статей по книге О. Шпенглера)³⁸. Примечательно, что П. Сорокин предсказал Советскому Союзу и Западу общий закат, основываясь как раз на конвергенции их социокультурных укладов³⁹: об этом, наверное, тоже стоит задуматься.

Кто мог представить, что в наши дни придётся вернуться к теме Реформации, что мы станем свидетелями сбывающихся пророчеств о судьбах Европы, что наступит момент, когда наша «европейская тоска», о которой говорил Достоевский в своей Пушкинской речи, сможет реально излиться в «примирение европейских противоречий уже окончательное»⁴⁰. Тем более что в нынешних никак не разобраться без урегулирования всей проблематики «лоскутной» архитектуры европейской безопасности, доставшейся нам в наследство от эпохи холодной войны. Верно и то, что никогда не может быть сказано «последнее слово». Это то, что нам в России понять легче других. По следам М. Бахтина бывший архиепископ Кентерберийский Р. Уильямс в своём исследовании о Достоевском пришёл к выводу о том, что именно в этом главный посыл его творчества⁴¹. По большому счёту применительно к Западу можно говорить о преодолении Нового Завета, что и стало итогом «сделки», раз речь идёт о докторе Фаусте (фаустовской душе). Как отмечал Тютчев, «с водой выплеснули ребёнка» и «стали судьями в собственном деле».

Проблема России (и отчасти Китая) в том, что наши перемены пришлось на момент, когда на Западе уже полным ходом формировалась критическая масса нынешнего кризиса: разрушалась устойчивая послевоенная модель в пользу исторически преодоленной кануна 1929 г. В конечном счёте из геополитической «тройки» ведущих стран мира первым на путь перемен вступил Китай. За ним последовала Россия. Теперь очередь за США / Западом.

³⁷ Шпенглер О. Закат западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. С. 653–654.

³⁸ Там же. С. 975.

³⁹ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени // Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева. URL: <http://misk.inesnet.ru/wp-content/uploads/PC122014/PC2014-12-281-297-pa-sorokin.pdf> См. его главный труд, где трактуется переходный характер чувственного (потребительского) социокультурного уклада: Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 195–206.

⁴⁰ Достоевский Ф.М. Политическое завещание. Сборник статей за 1861–1881. М.: Алгоритм; Эксмо. 2006. С. 381–399.

⁴¹ Роуэн Уильямс, Архиепископ Кентерберийский. Достоевский: язык, вера, повествование. М.: РОССПЭН, 2011. С. 280.

Если использовать горчаковскую категорию сосредоточения (после Крымской войны), то в очередной раз это происходит у нас, новый этап такого процесса наблюдается в Китае, и, наверное, пришло время привести свои дела в порядок Америке, восходящее развитие которой впервые застопорилось. Тренд обозначен: «ветер дует с Востока»?

На Западе сплошь и рядом дело доходит до абсурда – верный признак проблемы. К примеру, беженцев из Африки на непонятных плавсредствах доставляют к кромке территориальных вод Ливии, где их «спасают» корабли береговой охраны европейских государств и транспортируют дальше на континент. Присутствующие при этом трансфере затем возвращаются в Ливию на своих катерах, не забыв захватить опроставшиеся надувные лодки. Запад, ставший на какое-то время Третьим Римом, пожинает плоды того, что забыл о своей периферии, полагая, что после окончания холодной войны эти страны будут автоматически, без присмотра и содействия, эволюционировать в направлении его собственной модели развития и ценностей. Эти 25 лет были начисто потеряны, и теперь приходится иметь дело с толпами страждущих попасть в Европу.

Не принималось в расчёт и то, что восточноевропейцы, а за ними британцы, каталонцы и другие хотят выйти из глобализации, лишаящей их контроля над собственной жизнью. Та же Восточная Европа хотела оказаться за каменной стеной, то есть надёжными границами, только по её другую сторону. Никто не предупреждал, что придётся жить с открытыми границами и терпеть диктат «старших» по Евросоюзу (хотя были обещаны консенсус и полное равноправие). Не будем забывать, что решение А. Меркель о приёме массового потока мигрантов в Евросоюзе не было коллективным решением. Нет доказательств и того, что это решение отвечало внутригерманским конституционным нормам и практике⁴².

Культура в который уже раз помогает понять то, что иначе понять нельзя. Так, без «Форреста Гампа» и К. Тарантино лишена смысла вся современная американская история. Тот же «Волк с Уолл-стрит» даёт уже 100-процентное отражение действительности в финансовом секторе, которая определяет ближайшую судьбу Америки. Примечательно то, что Россия как своего рода *reference point* всегда фигурировала в западном культурном дискурсе. Так обстоит дело у С. Кубрика в его «Д-ре Стрейнджлаве» и у Э. Бёрджеса в «Заводном апельсине». Что, в свою очередь, позволяет судить как минимум о взаимовлиянии и какой-то общей для нас культурной архитектуре.

В более широком плане все сравнения вновь отсылают нас к Реформации и её последствиям. Создаётся впечатление, что американская цивилизация в её нынешнем виде – это последний порыв большого стиля западной культуры, связанного с Реформацией, капитализмом, рыночным тоталитаризмом, протестантской этикой и т.п. Вопрос в том, что будет дальше, на какой основе будет обновляться европейская культура в качественно новой

⁴² Knight B. Bundestag questions legality of Angela Merkel's refugee policy // Deutsche Welle. September 22, 2017. URL: <http://www.dw.com/en/bundestag-questions-legality-of-angela-merkels-refugee-policy/a-40645998>

и высококонкурентной глобальной среде. Встаёт вопрос о глобализации и капитализме с человеческим лицом, как в своё время, в ходе Пражской весны, ставился вопрос в отношении социализма.

С одной стороны – двухмерность и фанерность, с другой – полнота переживаемого существования. Каждое второе письмо Пушкина – о деньгах, но потому, что с ними для него были связаны свобода и независимость. Когда идёшь по улицам Нью-Йорка, то невольно прислушиваешься к разговорам окружающих. Здесь тоже каждый второй разговор о деньгах, но на них всё кончается, поскольку в этом вся жизнь – никакой личностной глубины не просматривается. Язык не поворачивается сравнивать Анну Каренину с Эммой Бовари. Исповедальная литература в духе Руссо (у нас Радищев и Толстой), как отмечает О. Шпенглер, связана с тоской по «руке священника, с помощью которой даже самый ничтожный мог ухватиться за Бога. Протестантизм уничтожил эту зримую связь с бесконечностью»⁴³. Духом тактильности пронизан поздний В.В. Розанов, в особенности его «Апокалипсис нашего времени» (в данном отношении в английской литературе выделяется Д.Г. Лоуренс). В конечном счёте всё сводится к коммуникативному действию, в чём смысл всего Достоевского, которым, по словам Н. Бердяева, «Россия оправдает на Страшном суде народов своё бытие в этом мире»⁴⁴. На уровне международных отношений коммуникативность проявляется в дипломатии, о чём свидетельствуют наши дипломатические успехи на Ближнем Востоке. Не диктат, не навязывание своей воли силой, а прямые контакты со всеми (кроме террористов) без всяких обид и предрассудков.

В США разговоры о стратегической глубине прикрывали стереотипное стратегическое мышление, когда даже яркие умы из окружения Дж. Кеннеди (Макджордж Банди, Роберт Макнамара и др.) уверенно вели дело к войне во Вьетнаме, будучи твёрдо убеждены в верности аналогии с побеждёнными во Второй мировой войне Германией и Японией. Затем забывчивость очередного поколения привела к войне в Ираке уже при откровенно «тупом» президентстве и его неоконсервативном окружении.

Если идти дальше наших противоречий на уровне информационной и силовой политики, то богатую пищу для размышлений даёт интернет-культура. Некоторые наши популярные клипы (группы «Ленинград» др.), казалось бы, одним махом уничтожают 1000-летнюю культуру, но они сами – продукт этой культуры в своей задушевности, поскольку отрицают то, что она всегда отвергала (представителям послевоенного поколения – через детей и внуков – нетрудно найти тут связь со всем лучшим, созданным в официальной и неофициальной культуре советского периода). Именно это качество, по мнению О. Шпенглера, служит отличительной чертой культуры, не вступившей в этап цивилизационной оцепенелости. Кстати, Тютчев, рассуждая о судьбах православия, писал о его созвучности русской душевности.

⁴³ Шпенглер О. Закат западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. С. 756.

⁴⁴ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 150.

Эта душевность пронизывает всего Чехова при всём его пессимизме (жаль, что незаслуженно обходят вниманием чудесный и глубокий рассказ «Скрипка Ротшильда»). В отличие от Запада, нам всё время кажется, что вот-вот наступит «светлое будущее», которое постоянно отодвигается, и потому оно у нас всегда есть. Возможно, поэтому вся наша культура подсказывает, что «надо жить», что «увидим небо в алмазах». А если говорить о современности, то, к примеру, придёт время и для таких смелых решений, как предоставление жилья в части пятиэтажек молодёжи, которая их регенерирует (и получится не хуже, чем в Берлине), и взятие государством на себя выплаты процентов по ипотеке молодых семей, приобретающих своё первое жильё. В целом налицо признаки интеллектуально-нравственной регенерации молодежи, которая не ограничивается разнонаправленной гражданской активностью. Примеры дают фильмы Ю. Быкова, интервью Ю. Дудя и многие другие явления нашей культурной жизни. Заявляют о себе умные, образованные (и самообразованные), независимо мыслящие и внутренне свободные молодые люди, которые не берут на веру ничьих суждений, будь то власть или ее критики. Возможно, что в этом главное достижение той стабильности, которую обеспечило стране послевоенное поколение, по праву взяв на себя ответственность за ее судьбу, поскольку в отсутствие стабильности в обществе не могут развиваться никакие позитивные процессы. На вызов Петра Россия ответила гением Пушкина и всей великой Русской литературой XIX века, которой мы спасались в разные времена и еще будем спасаться от разного рода нигилистических искушений. На это ушел век. Сейчас все процессы ускорятся.

Нечто примечательное наблюдается в западных странах. Там возник межпоколенческий антагонизм, когда у старших поколений обеспеченная старость, а у молодежи никаких перспектив, так как экономические времена круто изменились. Активность молодежи обеспечила приход к руководству Лейбористской партией Великобритании Дж. Корбина и ее успех на выборах 2017 г. В США молодежь поддержала Б. Сандерса против истеблишмента Демпартии. Обоим за 70, но они стали символом альтернативы интеллектуально и нравственно несостоятельным элитам. Не исключено, что и лидеру германских социал-демократов М. Шульцу приходится считаться с мироощущением молодежи в ходе нынешних коалиционных переговоров с А. Меркель. Можно предположить, что качественно новый конвергентный момент в Евро-Атлантике будет происходить на уровне и усилиями эмансипированной (в лучшем смысле этого понятия) молодежи. Как бы то ни было, на Западе растёт число тех, в т.ч. среди молодёжи, кто уверен, что в России всё возможно. И в этом тоже глубинная причина того, что происходит на (гео)политической поверхности мирового развития.

О. Шпенглер писал о закате, который продлится века. История покажет. Но даже наш общий закат может быть достойным. Что касается его международного измерения, то далеко не случайны попытки западных аналитиков (Э. Луттвак⁴⁵ и др.) изучить опыт Византии, которой, в отличие от Запад-

⁴⁵ Luttwak E. The Grand Strategy of the Byzantine Empire. USA, Harvard University Press, 2009.

ной Римской империи (образец для вашингтонского внешнеполитического истеблишмента, с резкой критикой которого «под занавес» выступил Б. Обама в интервью журналу «Атлантик мансли» в марте 2016 г.⁴⁶), удалось растянуть свой закат на одну тысячу лет. Конечно, была важна постоянная налоговая база для содержания того, что мы сейчас назвали бы силами постоянной готовности, но главный инструмент – дипломатия. То есть то, что Россия оттачивает, в том числе в межцивилизационном формате, на Ближнем Востоке и в других регионах мира и что послужило бы специфическим российским вкладом в общее дело восстановившей свое историческое единство Европы.

⁴⁶ The Obama Doctrine. The U.S. president talks through his hardest decisions about America's role in the world // The Atlantic. April 2016 Issue.
URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>

Ближний Восток

Ближневосточная ситуация, и в особенности сирийский эндшпиль, доказывают, что в отсутствие перспективы вооружённого конфликта между ведущими державами резко возрастает роль дипломатии, будь то поддержанной силой/угрозой её применения или наоборот. Об этом говорят создание в январе 2017 г. Астанинского процесса в составе России, Турции и Ирана, прагматизм и умеренность российской политики в целом, включая миротворческую работу российских военных на местах, где они восполняют дефицит доверия между оппозицией и властями. Проекты «Исламского государства» (ИГ) и «ан-Нусры» укладываются в логику продолжения стратегического курса США на ликвидацию светских (баасистских) режимов в регионе как «советского наследия» и поддержку монархий. Если джихадистская агрессия в Сирии началась летом 2012 г., то ИГ появилось после 2013 г., когда администрация Б. Обамы (не без помощи британского парламента) чётко определилась в вопросе о невозможности для Америки ещё одной войны в Ближневосточном регионе (бывшему госсекретарю Дж. Керри понадобилось несколько месяцев встреч с С. Лавровым, чтобы только произнести слово «ан-Нусра»). Ситуацию в корне изменила военная операция России, начатая в сентябре 2015 г. Подтвердился прогноз военных наблюдателей о том, что освобождение восточного Алеппо обеспечивало коренной перелом в ходе военных действий, остальное было вопросом времени. США не смогли ничего противопоставить тому, что эксперты квалифицировали как неограниченность эскалационного потенциала России в Сирии.

«Битва за Восточную Сирию», как и привлечение к этому «Сирийских демократических сил» (СДС), представляется не чем иным, как арьергардными боями с целью сохранения лица, борьбы до последнего участника провального джихадистского проекта и обеспечения себе хоть каких-то позиций в определении будущего Сирии. Судя по жёсткому разговору, который, как сообщают американские интернет-ресурсы, состоялся у российских военных с американцами в связи с гибелью генерала В. Асапова⁴⁷, у США мало шансов закрепиться на Востоке Сирии. Вызывающие много вопросов последние действия Пентагона в Сирии могут отражать межведомственную эмансипацию при Администрации Б. Обамы, когда у каждого ведомства была своя сирийская политика. Нельзя забывать, что действующие договорённости между военными России и США по Сирии касаются только операций ВВС, но никак не наземных сил, действующих на свой страх и риск. В итоге в Сирии США выступают в роли «спойлеров», поскольку стремятся не столько выиграть, сколько не дать победить другим. Уход террористиче-

⁴⁷ См., например: Syria – Russia Issues Third Warning Against U.S. Cooperation With Terrorists. URL: <http://www.moonofalabama.org/2017/10/syria-russia-issues-third-warning-against-us-cooperation-with-terrorists.html>

ских группировок в подполье, в отличие от возвращения джихадистов в свои страны, практически исключается вследствие преобладания в них иностранцев и высокой эффективности сирийских служб безопасности.

Что касается «остаточного» военного присутствия американцев на Северо-Востоке Сирии, то в этом нет большой проблемы. Более того, это создаёт важный связующий момент в отношениях Москвы и Вашингтона, поскольку естественно, что Россия (и иранцы, что они делают и в Ираке) практически гарантируем безопасность американских военных. Важно, что в данном случае ключевым ресурсом американских военных являются добрые отношения между президентами Д. Трампом и В. Путиным. В принципе же речь идёт о важном элементе того, что принято называть «отношениями между великими державами» как важной составной части многоукладных международных отношений. К этому следует добавить и то, что военные явно становятся проводниками дипломатии новой администрации, отодвигая на второй план Госдепартамент.

Сирия доказала и другое: теперь Россия оказалась в состоянии разыгрывать в свою пользу так называемую конструктивную неопределённость согласованных в многостороннем формате решений (той же МГПС), в том числе освящённых резолюциями СБ ООН. В 1990-е гг. этим преимуществом повсюду пользовались американцы (последний раз – в Ливии), что подрывало доверие в наших отношениях. Налицо не только сжатие территории джихада, но и её приближение к Аравийскому полуострову, контроль над которым является одной из целей исламских фундаменталистов.

Британский мининдел Б. Джонсон публично дал понять, что в условиях «плохих карт на руках у Запада» ничего не остаётся, как рассчитывать переиграть Москву и Дамаск на поле постконфликтной реконструкции страны⁴⁸. Однако эксперты серьёзно сомневаются, что это получится, поскольку здесь складывается конкурентная среда с участием целого ряда западных государств, включая Китай. Поэтому Западу остаётся надеяться на работу с сирийскими беженцами за пределами Сирии. В целом можно судить о том, что новое качество ситуации в регионе связано с ликвидацией стратегического присмотра за ним со стороны США. Лидеры практически всех ближневосточных государств побывали в Кремле или Сочи. Курды оказались последними, кто сделал ставку на США, антагонизировав власти собственных стран (включая референдум о независимости Курдского автономного района Ирака (КАР) в сентябре 2017 г.) и рискуя испортить отношения с Россией. Попытка уцепиться за Киркук позволяет судить о степени незрелости курдского руководства и его неспособности трезво оценить ситуацию, понять, что, не имея выхода к морю, они целиком зависят от властей соответствующих стран и что США не будут объявлять войну сразу четырём государствам, одно из которых член НАТО.

⁴⁸ См.: Heller S. Don't Fund Syria's Reconstruction. The West Has Little Leverage and Little to Gain // Foreign Affairs. October 4, 2017.

URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2017-10-04/dont-fund-syrias-reconstruction>

Более фундаментальный вопрос – будущее ислама в свете опыта последних шести лет, включая демонстрацию населению региона того, к чему ведёт попытка возродить священную войну как высшую форму исповедания веры. Можно представить реакцию западной аудитории, если бы нынешние претензии на исключительность озвучивались языком предшественников в лице протестантских фанатиков – кальвинистов/пуритан времён Религиозных войн в Европе, веровавших в свою избранность и отрицавших спасение и само право на жизнь для всех остальных. Наряду с джихадистами дискредитированными оказались «Братья-мусульмане»: в Египте вестернизированной молодежи пришлось выбирать между диктатурой Ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ) и военным правлением. Конфликт вокруг Катара по поводу его связей с АБМ воспроизвёл в регионе ту же коалицию, что и по Сирии. США лишились инициативы в региональной политике, обслуживая амбиции, сплошь и рядом нереалистичные, своих региональных союзников. Вполне возможно, что действия России в Сирии, где исламисты действовали под лозунгом «суннитской альтернативы для Сирии», позволили выиграть мир на Ближнем Востоке, поскольку предотвратили суннитско-шиитскую конфронтацию. Теперь противоречия в арабо-исламском мире могут разрешаться на «поле» развития, на что указывает нынешняя кампания по модернизации в Королевстве Саудовская Аравия (КСА), в рамках которой выдвинут (после Сирии) лозунг «умеренного ислама». Нет сомнений в том, что здесь огромное преимущество у Ирана с его диверсифицированной экономикой, динамичным обществом, включая демократию при всех ее особенностях. Финансовая затратность саудовской модернизации будет сказываться на ценах на нефть.

Война в Йемене зашла в гуманитарный тупик, осветив не только неспособность КСА защищать свои южные границы, но и сопричастность к происходящему англосаксов. Похоже, что всё выливается в массивное разрушение страны с целью сделать её зависимой от соседей в плане послевоенной реконструкции. Позитивная кристаллизация хаотичной ситуации наблюдалась в Ливии, включая признание генерала Х. Хафтара, поддерживаемого Египтом и ОАЭ, в качестве одной из ключевых фигур политике регулирования. Прагматический подход внешних сил к решению этой задачи диктовался в том числе интересами перекрытия каналов неконтролируемой миграции через территорию Ливии в страны ЕС.

Восточная Азия и другие регионы

В течение 2017 г. продолжалось нагнетание ситуации в Восточной Азии, но преимущественно на уровне военных демонстраций, что относилось и к реакции на ядерные и ракетные испытания КНДР. В более широком плане доказала свою несостоятельность, скорее, мертворожденность идея «большой двойки» в составе США и Китая как новой биполярной основы глобальной стабильности (можно только удивляться способности такого мэтра, как Г. Киссинджер, выдавать желаемое за действительное⁴⁹). В реальности же ситуация продолжала развиваться в русле сложившегося «треугольника» с участием «двойки» и России. Причём в отличие от завершающего этапа холодной войны США оказались в состоянии разного рода конфронтации как с Китаем, так и с Россией. При этом очевидно, что принципиальные развязки по вопросам кибербезопасности и невывода оружия в космос могут быть найдены только в рамках такого «треугольника».

Китай столкнулся с вызовом смены модели развития – от экспортоориентированной к основанной на внутреннем спросе, что отражается на внутренней и внешней политике Пекина. В то же время надо учитывать, что у Китая нет традиций и опыта выстраивания мира под себя. В основном продолжается восстановление утерянных Китаем в середине XIX в. вследствие западного вмешательства позиций в регионе в условиях сложившейся здесь за последние 150 лет «тесноты», что требует деликатной и реалистичной гармонизации. Проект «Один пояс – один путь», который является внешней проекцией внутреннего инфраструктурного бума, вряд ли даст осязаемые плоды на первом этапе своей реализации, но главное, что он объективно стимулирует заинтересованность Пекина в стабилизации стран по этому маршруту, включая Афганистан и Сирию, а также в сопряжении этой инициативы с интеграцией в рамках ЕАЭС. Применительно к Китаю ситуацию следует отслеживать в том числе на предмет «выбросов» трансформационных процессов в США, имея в виду перспективу торговых войн, объектами которых на пару могут стать Пекин и Берлин. Возможен вариант использования Вашингтоном такой угрозы (как и дефолта с обвалом доллара) в рамках своей транзакционной дипломатии с целью выйти на договорённости по типу Соглашения «Плаза» 1985 г. о совместных мерах по недопущению повышения курса доллара. Это может стать мощным рычагом перестройки всей экономической политики ФРГ и Евросоюза, тем более в нынешних кризисных условиях, когда свобода манёвра в макроэкономической политике (нулевые ставки банковского процента и т.д.) крайне ограничена, уже не говоря о факторе единой валюты, делающей еврозону крайне неповоротливой. В таком контексте отсутствие значительных торго-

⁴⁹ Kissinger H. The Future of the US-Chinese Relations // Foreign Affairs. 2012. March-April.

во-экономических связей с США оказывается выигрышным моментом для России в рамках взаимоотношений как в геополитическом «треугольнике», так и по оси США-ЕС-Россия: торговые войны новой администрации с внешним миром будут нас затрагивать в наименьшей мере.

Ситуация в Латинской Америке, которая испытала на себе разрушительное воздействие в том числе падения мировых цен на нефть, в целом доказывала исчерпанность прежней идеологической и политической парадигмы правые-левые и необходимость искать решение проблем развития на иной, исключительно прагматической основе. В любом случае регион прошёл по кругу правых и левых правительств, а проблемы так и остались нерешёнными. Проблемы Африки, как показал опыт последних десятилетий, куда эффективнее решать у их источника, то есть в самих африканских странах, для чего необходимо выработать действенную коллективную стратегию содействия их развитию.

Вызовы ближайшего будущего

Главные вызовы на ближайший период – трансформационные процессы на Западе и их проекция на глобальную и региональную политику. Что касается Европы, даже если случится худшее – рухнет еврозона/ЕС, то все уйдут в национальные валюты и останется общий рынок. Применительно к торгово-экономическим дисбалансам (зашкаливающий профицит текущего счёта платёжного баланса ФРГ – до 8,6%⁵⁰) всё разрешит рынок, поскольку, по оценкам экспертов⁵¹, германская марка резко взлетит при падении курсов валют подавляющего большинства остальных членов еврозоны. Это станет мощным рычагом перестройки всей социально-экономической политики Германии, которая в своём неолиберализме, похоже, забежала вперёд. Поэтому надо ожидать попыток законсервировать нынешнее положение вещей или провести «зачистку» еврозоны от слабых экономик, которым так будет легче (и дешевле для остальных) стабилизироваться. Но в основе проблемы, как отмечает британский экономист Д. Марш, лежит тот факт, что экономически ФРГ переросла Малую Европу и ее соответствующие интересы стали по-настоящему глобальными⁵².

Очевидно, что пока надо ожидать дальнейшего ухудшения в наших отношениях с США, прежде чем они начнут выправляться. Последние санкции знаменуют новое качество экономической войны против России: объединение в одну группу с Ираном, КНДР и террористической угрозой; их увязывание не только с Украиной, но и Сирией. В последнем случае налицо прямой разлад с Евросоюзом: в апреле на встрече мининдел «Группы семи» в Лукке Б. Джонсон потерпел унизительное фиаско, когда попытался «подписать» европейцев на антироссийские санкции по Сирии (в отличие от США, европейцы кровно заинтересованы в скорейшем урегулировании сирийского кризиса на реалистичной основе). Новые меры выводятся из сферы внешнеполитических полномочий исполнительной власти – это всерьез и надолго. Налицо реакция «старой Америки», ее политэлиты на то чисто объективное обстоятельство, что Россия (а не Китай) воспринимается как ближайший бенефициар «геополитического сжатия» Америки. Опасность в том, что это еще и ответ на переход к России (причем вынужденный) инициативы в глобальной силовой политике: американская элита (не американцы вообще) весьма чувствительна к этой теме в силу самой традиции западной политики как основанной на силе и контроле. На «поле» экономических санкций будет заправлять Конгресс, а в военно-политических вопросах Москва будет продолжать иметь дело с Белым домом. Гонка вооружений и так идет полным ходом, а в условиях многополярности

⁵⁰ Европа XXI века. Новые вызовы и риски : сборник Института Европы РАН / под общей редакцией Ал.А. Громыко и В.П.Фёдорова. М., СПб: Нестор-История, 2017. С. 20.

⁵¹ Marsh D. Europe's Deadlock. New Haven and London, Yale University Press, 2016. P. 73–74.

⁵² Там же. С. 75.

есть предел, за которым экономическое давление на Россию начнет разрушать контролируемую США валютно-финансовую систему, подрывая еще остающееся к ней доверие у других игроков.

Если дело дойдёт до разрыва дипотношений между США и Россией, то в любом случае это будет не шаг к войне, а нечто вместо войны, как и санкции и информационная война. Это может напрячь европейские столицы в силу понятных союзнических отношений с Вашингтоном. Но опыт отсутствия дипотношений с США был как у нас – в 1917–1933 гг., так и у КНР – в 1949–1972 гг. К этому может вести дело американский истеблишмент, дабы исключить «подозрительные» контакты Д. Трампа с лидером «государства-противника». Хотя оба президента без предрассудков и, наверное, будут контактировать как частные лица в интересах поддержания мира между двумя странами и во всем мире. В целом вариант «ни мира, ни войны» в современных условиях является опасной новацией и позволяет проследить троцкистские корни некоторых идеологов американских неоконов, идеи которых популярны среди конгрессменов и сенаторов.

Куда опаснее вариант разрушения ДРСМД, особенно в этих условиях. В то же время любая попытка США внедрить свои ядерные ракеты в Европу будет встречена в штыки не только общественным мнением, но и элитами европейских стран, прежде всего Германии, где антиамериканские настроения распространились на истеблишмент, который не может простить англосаксам «предательства западного дела». Сможет ли «Америка Д. Трампа», которого в Европе выставляют как опасного милитариста, «продать» европейцам размещение своих ракет средней и меньшей дальности (на их разработку в новом бюджете Пентагона уже выделено 58 млн долл.)? Хотя предупреждение президента В. Путина по части слома Договора, сделанное им на встрече с участниками дискуссионного клуба Валдай в октябре 2017 г. в Сочи⁵³, снижает вероятность такого развития событий, нельзя исключать, что ракетное обострение в Европе может стать коллективным мобилизационным проектом западных элит перед лицом угрозы потери контроля над ситуацией в своих странах (как это было 100 лет назад). Как бы то ни было, вследствие разрушения ДРСМД можно ожидать нового «ракетного кризиса» в Европе и трансатлантических отношениях.

Размещение американских ракет средней и малой дальности в Европе фактически будет аналогом Карибского кризиса 1962 г., только на этот раз его инициатором выступят США. По мнению экспертов, будет подорвана перспектива продления действующего Договора СНВ-3 и его замены новым (та же Администрация Дж. Буша-мл., выйдя из Договора по ПРО, была готова дать «умереть» предшествующему договору и не видела смысла в любых договорённостях с Россией в сфере ядерных вооружений). Таким образом, сам процесс контроля над вооружениями вернётся к нулевой отметке, т.е. к тому же 1962 г., с трудно просчитываемыми последствиями.

⁵³ Выступление В. Путина на ежегодном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай».
URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=91&v=jy2FSurPs1o

Так же как евро обеспечивает Германии конкурентные преимущества, то же имеет место в части интересов США применительно к НАТО. Для американцев европейская территория альянса – плацдарм передового базирования, включая элементы ПРО и наступательное ядерное оружие, что даёт преимущество по отношению к России, а значит, подрывает стратегическую стабильность. Поэтому в случае размещения новых ядерных вооружений США в Европе встанет вопрос о пользе вообще каких бы то ни было отношений Москвы с НАТО.

Более того, возрождение этого класса ядерных вооружений будет означать возможность ядерной войны в Европе с выводом территории собственно Америки за рамки обмена ядерными ударами, уже не говоря о том, что встанет вопрос о более низком уровне ядерного конфликта – с применением ТЯО. Россия, в свою очередь, проявляет максимальную открытость в своей военной деятельности, будь то Сирия или крупные манёвры на западном направлении («Запад-2017»). Западные политологи указывают на закат Атлантических и вообще морских держав. Преимущество переходит к сухопутным – в духе идей Х. Маккиндера о Хартленде⁵⁴, который уже занимает Россия (Арктику у нас тоже никто не отнимет): о какой агрессивности Москвы можно говорить в этих условиях?

В отношении будущего Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по ядерной программе Ирана (ИЯП) можно предположить, что даже с выходом из него США все остальные участники «шестёрки», включая Россию, могли бы продолжать его выполнять в интересах поддержания мира в регионе и мире в целом. Главное, чтобы США не пошли на военную акцию в отношении Тегерана, а действовали в духе «ни мира, ни войны» – тут это было бы блестящей тактической находкой. Кстати, американцы подключились к переговорам по ИЯП на позднем этапе, хотя наряду с Тегераном являются главными антагонистами в этом вопросе. Россия, Китай и Европа могут вновь посредничать между ними.

Националистический нарыв на Украине рано или поздно должен был прорваться – лучше раньше, чем позже. В любом случае страна получила мощную прививку от дремучего национализма образца межвоенного периода в Европе. Его придется оставить у европейского порога. Взимание с Запада геополитической ренты не менее проблематично.

То же можно говорить и о последствиях опыта, связанного с «Исламским государством» (в дополнение к опыту Алжира и Египта), для всего арабo-исламского мира. Очевидно, что «Братья-мусульмане» будут иметь преимущество перед другими течениями в процессе модернизации ислама. Надо полагать, отсюда резкий кризис в отношениях между Саудовской Аравией и Катаром. Важен и фактор идейного родства с АБМ правящей партии в Турции. Ситуация с гюленизмом показывает, что вариант модернизации ислама извне исключается.

⁵⁴ McCoy A. The Geopolitics of American Global Decline // Huffpost. December 6, 2017.
URL: https://www.huffingtonpost.com/alfred-w-mccoy/the-geopolitics-of-american-global-decline_b_7534046.html

2018 год: перспективные тенденции политики

Россия сосредоточена на выстраивании равновесной конструкции своего международного позиционирования в полном согласии с требованиями полицентричного миропорядка. С упреками относительно реактивности внешней политики России — а на Украине и в Сирии Москве действительно пришлось реагировать на инициативную политику Запада — трудно согласиться. На Украине нас не удалось втянуть в нечто вязкое и катастрофичное по образцу войны СССР в Афганистане — сложившаяся ситуация вполне управляема. В Сирии Россия предотвратила коллапс региона, что имело бы далеко идущие последствия для окружающих, прежде всего Европы и самой России. В пользу этого говорит тот факт, что летом 2015 г., т.е. полтора года спустя после начала бомбардировок антиигиловской коалиции, западные партнеры, призывая Москву отказаться от «поддержки Б. Асада», предрекали «падение Дамаска под напором ИГ» уже в октябре 2015 г. Трудно сказать, что они собирались делать дальше — приручать/одомашнивать террористов с помощью своих региональных друзей и союзников?

Сейчас, когда вопросы развития вышли на первый план для всех стран и прежде всего западных, в мире было бы меньше проблем и не слишком тесно, если бы все сосредоточилось на собственных делах. В целом ситуация будет продолжать требовать от российской внешней политики управления несколькими кризисами одновременно и творческой многовекторной сетевой дипломатии, поддержанных укреплением и развитием комплексного потенциала противодействия внешним вызовам, включая «умное» проецирование силы и соблюдение принципов умеренности.

Ключевым рамсфельдовским «известным неизвестным» на обозримую перспективу остаётся трансформация Запада в его обеих атлантических составляющих. Россия из фактора неопределённости международной ситуации превращается в предсказуемую и постоянную величину. Для Запада же речь идёт о вызове, сопоставимом с тем, который был связан с «массовым политическим пробуждением» (Зб. Бжезинский) кануна Первой мировой войны⁵⁵. Чтобы ответить на него, потребовались две мировые войны. Противоречия того уровня глобализации и сопряжённая с ними угроза потери элитами контроля над ситуацией в собственных странах разрешались войной. Сейчас война исключается, и в этом огромное преимущество нашего времени. Как представляется, было бы ошибочным увязывать императив возросшей взаимозависимости государств и потребность в коллек-

⁵⁵ Brzezinski Zb. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. NY, Basic Books. 2012. P. 28.

тивных решениях мировых проблем с судьбой нынешнего этапа глобализации, прежде всего торгово-экономической и валютно-финансовой. Сто лет назад А.Ф. Керенский, выступая перед войсками, отправлявшимися на фронт, апеллировал, по сути, к тем же постулатам глобализации, управлять которой не смогли правительства европейских стран (да и задачи такой не ставилось, как, впрочем, и сейчас). Известно, чем это закончилось для Временного правительства, России, Европы и всего мира.

О. Шпенглер, пытаясь обосновать право Германии на наследование мировой гегемонии, фактически вскрыл природу упадка западной цивилизации⁵⁶. Сейчас легко судить о том, почему такое наследование не состоялось. Главное, что сама позиция гегемона упрядняется в современных международных отношениях. В пользу этого свидетельствует и опыт «европейского концерта» XIX века. Поэтому речь не идёт о некоем дележе американского наследства, скорее об эмансипации международных отношений, что отнюдь не означает хаоса (почему не Броуновское движение?), поскольку «правила игры» в форме международного права сохраняются: будучи заложены в Уставе ООН, они не нуждаются в присмотре со стороны «гегемона». Зб. Бжезинский был прав, когда 10 лет назад писал о необходимости формирования «общего видения нашей исторической эпохи»⁵⁷. Похоже, что время для этого пришло сейчас, когда у всех достаточно опыта, а иллюзии двадцатипятилетней давности разрушены, включая и ту, что Россия «вступит в Запад» (как вступали в колхоз). Продолжать отрицать окружающую реальность становится всё более трудным делом и отдаёт откровенным фанатизмом.

Никто не настаивает на новом «концерте держав». Просто он уже существует, будь то «пятёрка» постоянных членов СБ ООН, «двадцатка», БРИКС, различные региональные форматы. Последние свидетельствуют о регионализации глобальной политики и спросе на региональные решения региональных проблем. Коренной порок современной глобализации состоит в том, что электорат будет продолжать требовать решения насущных про-

⁵⁶ Шпенглер О. Закат западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. Если кратко, то он прослеживает связь между Реформацией и устремлением Запада в направлении материализма/рационализма, утратой им духовного начала/порыва в бесконечность. Работа О. Шпенглера слишком сложное явление, чтобы быть предметом однозначных оценок. Что не вызывает сомнений, так это его метод и наличие множества гениальных наблюдений и прозрений. Не надо забывать, что философия Ницше – один из главных источников его анализа: отсюда его критика западного общества с духовно-аристократических позиций (собственно, в критике демократии он идет в русле идей Ж. де Местра и А. де Токвиля, а из русских мыслителей – Ф. Тютчева и К. Леонтьева), апология расы, крови, почвы, воли к власти, надежда на «вторичную религиозность». Налицо также апология прусского государства (в духе немецкой классической философии), причем совместимого с подлинным социализмом, который противопоставляется англосаксонскому капитализму. Опыт нацизма (когда филистер посмеялся над Ницше) подвел черту под этими построениями, что, конечно, не снижает значения его критики капитализма и демократии, звучащей на удивление актуально в условиях нынешнего системного кризиса на Западе. Можно предположить, что идея некоего среднего пути – на основе синтеза всего исторического опыта Европы – также сохраняет свое значение, в т.ч. в опыте ФРГ, но ее реализация – уже императив коллективного творчества всей Европейской цивилизации, включая США и Россию.

⁵⁷ Brzezinski Zb. The Dilemma of the Last Sovereign // The American Interest. 2005. Vol. 1, No. 1. P. 43. Весьма примечательно для американского политолога, что в этой же статье Зб. Бжезинский ссылается на О. Шпенглера (в ряду с Арнольдом Тойнби и Сэмюэлем Хантингтоном) в том плане, что его выводы «зловеще заявляют о себе в глобальных дилеммах современной Америки» (с. 45). Из А. Тойнби он приводит тезис (на с. 46) о милитаризме как способе саморазрушения империй («самоубийственное государство» – suicidal statecraft).

блем своих стран от собственной власти и элит. Как показывает «Брексит» (а для «последнего суверена» в лице США иных вариантов никогда не существовало), решения придется принимать на национальном уровне. В общем комплексе международных отношений возрастёт значение межгосударственных связей, хотя у гражданского общества есть все возможности сохранить завоёванные в последние десятилетия позиции важного фактора формирования международного общественного мнения по общим для мирового сообщества проблемам.

Определённым позитивным моментом в отношениях Запада с Россией стало понимание, по крайней мере на уровне экспертного сообщества (Р. Саква, Д. Тренин, М. Зыгарь и др.), того, что у Запада проблема не с президентом В. Путиным, а с Россией, и что российский лидер в той мере, в которой он там не нравится, прежде всего является продуктом западной политики в отношении России⁵⁸. Это уже неплохо для начала, закладывает основу для нормализации в перспективе и российско-американских отношений. Пока же, как это показывает сирийский кризис, обеим сторонам остается действовать на свой страх и риск, пока они «не соскучатся друг по другу», но при том понимании, что для каждой стороны приоритетные задачи – внутренние. Главной гарантией от скатывания к прямой конфронтации остаются взаимоуважительные отношения на уровне лидеров.

Можно сойтись на том, что, как и предсказывал А. де Токвиль, XX в. был веком как Америки, так и России⁵⁹. Теперь обеим странам было бы неплохо «нормализоваться», обрести статус в ряду других ведущих держав. Генри Киссинджер в своей книге «Дипломатия» (1994 г.), то есть до решения о расширении НАТО, предполагал, что в мире расширится круг ведущих держав и США могут рассчитывать в лучшем случае на место «первого среди равных»⁶⁰. Стоило ли ломать столько дров и терять 25 лет, чтобы выйти на тот же результат?

Россия не может выступать в охранительной роли по отношению к глобализации (для этого есть другие – те, кто больше от неё выиграл). Во-первых, западные санкции уже подтолкнули нас к адаптации к требованиям деглобализации, то есть мы оказались в авангарде этого процесса. А во-вторых, зачем нам противопоставлять себя западному электорату, убеждённому в разрушительных последствиях глобализации для своего общества: у нас, как и у них, проблемы с их элитой. Скорее, имеет смысл понять, что же в нашем опыте привлекает западный электорат, включая, со-

⁵⁸ См. книгу М. Зыгаря «Вся президентская рать» (М.: Альпина Паблишер, 2016) и его интервью газете *Le Figaro* «Россией правит коллективный Путин» (InoPressa. 29.01.2018. URL: <https://www.inopressa.ru/article/29Jan2018/lefigaro/zygar2.html>); интервью Д. Тренина германской *Die Zeit* «Мы имеем дело с российским Путиным, а не с путинской Россией» (InoPressa. 23.08.2016. URL: <https://www.inopressa.ru/article/23Aug2016/zeit/trenin.html>); Sakwa R. Russia's 1989 plea for a new world order was rejected, and so Putinism was born // *The Guardian*. March 31, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/31/putinism-russia-1989-world-order-rejected>, а также его последнюю книгу – *Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge University Press, 2017 (особенно с. 306–328).

⁵⁹ Alexis de Tocqueville. *Democracy in America*. Wordsworth Classics of World Literature, 1998. P. 170–171.

⁶⁰ Kissinger H. *Diplomacy*. London, NY, Simon and Schuster, 1994. P. 23–24, 809–810.

гласно опросам, 32% тех, кто голосовал за Д. Трампа⁶¹. Уже можно судить о том, что вызывает одобрение наш выход из отжившей системы идеологических координат, включая пресловутую политическую целесообразность (на Западе – политкорректность), способность проводить внешнюю политику, основанную на здравом смысле и понятных национальных интересах, очищенных от идеологических предрассудков, и, наконец, просто традиционный («с маленькой буквы», как говорят англичане) консерватизм, напоминающий о той привычной среде, которая ускоренно разрушается на Западе. Так что тут не просматривается никакой вины России, стремления разрушить «либеральный порядок», ставший неустойчивым (*unsustainable*) в силу внутренних причин.

Любопытно, что ещё Токвиль подметил опасность жесткого конформизма для будущего американской демократии⁶². Дж. Сэлинджер практически на той же основе вынес «ненастоящей Америке» приговор, который исполняется сейчас в форме квазигражданской войны. Неудивительно поэтому, что сторонние наблюдатели, такие, к примеру, как лорд Десаи, признают, что для запуска трансформационного процесса в США требуется смелый и авантюрный склад ума⁶³ – характеристика, которой вполне отвечает нынешний глава Белого дома.

Либерализм в Америке за последние 50 лет проделал немалый путь. Фактически он деградировал от борьбы за гражданские права афроамериканцев и протестов против войны во Вьетнаме до облика, который ассоциируется с четой Клинтон и скандалом вокруг Г. Вайнштейна. По ходу этой эволюции за бортом оказались интересы широких социальных слоёв и проблемы межрасовых отношений, а на их место пришли права ЛГБТ-сообщества и попытка вообще изгнать категорию пола из общественных отношений. Возможно, социально-экономические права стали восприниматься западными элитами как «наследие коммунизма» и «холодной войны», с которым надо покончить.

Можно также предположить, что Америка и на этапе собственной трансформации будет решать возникающие проблемы за счёт внешнего мира. В частности, интересно, как будет разыграно администрацией Д. Трампа доминирование Америки в глобальной валютно-финансовой системе: из-

⁶¹ См. Blackwill R., Gordon P. Russian attacks on America require bipartisan response from Congress // The Hill. February 23, 2018. Авторы приводят более свежую статистику, согласно которой «среди республиканцев доверие к В. Путину удвоилось до 34% за период с 2015 по 2017 годы» (URL: <http://thehill.com/opinion/national-security/375160-russian-attacks-on-america-require-bipartisan-response-from>). Интерес представляет также опрос, проведённый в странах ЕС в декабре 2017 г., см. Кортунов А. 32% против 23%. В Европе Путин популярнее Трампа // сайт РСМД. 13.02.2018. URL: http://russiancouncil.ru/analitics-and-comments/columns/dayfigure/32-protiv-23-v-evrope-putin-populyarnee-trampa/?sphrase_id=7855765

⁶² См. Alexis de Tocqueville. Democracy in America. Wordsworth Classics of World Literature, 1998. Автор, в частности, пишет: «Я не знаю никакой другой страны, где было бы столь мало подлинной независимости мысли и свободы дискуссии, как в Америке... Большинство возводит весьма внушительные барьеры для свободы выражения мнений: в рамках этих барьеров автор может писать всё, что ему заблагорассудится, но он раскается, если их переступит... и свобода мнений не существует в Америке. Инквизиция никогда не удавалось предотвратить появление множества антирелигиозных книг в Испании. Власть большинства действует с куда большим успехом в Америке, поскольку устраняет само желание их публиковать» (с. 103–104).

⁶³ The political economy of Donald Trump. Telephone briefing – preliminary transcript of discussion // Official Monetary and Financial Institutions Forum. August 16, 2016. URL: <https://www.omfi.org/media/1488373/the-political-economy-of-donald-trump-transcript-aug-2016-website.pdf>

вестно его легкое отношение к дефолту, да и проблема суверенного долга потребует своего решения.

Нельзя сказать, насколько Америка Д. Трампа будет совместима с остальным миром и прежде всего с Россией. Скорее всего, она будет джексоновской, с элитой на одной волне с традиционными инстинктами подавляющего большинства американцев. Можно надеяться, что возвращение правительственной политики в США к насущным вопросам бытия собственного населения не может не сказаться благотворно на внешних связях США. Да и потом американцы ещё не утратили способности и рычагов выстраивания мира под себя, даже если речь идёт о перенастройке «либерального миропорядка» и суверенизации независимых государств как ключевых акторов современных международных отношений⁶⁴.

Как бы то ни было, революция Н. Фараджа / Д. Трампа «шагает» по Евро-Атлантике. Россия не в силу собственных усилий, а чисто объективно оказалась на стороне протестного электората в западных странах. Налицо прямые аналогии между проблемами интеграционной «незавершённости» в Европе и издержками глобализации для Запада. И в том и в другом случае электорат ощущает свою беспомощность что-либо изменить в обществе в рамках сложившихся политических систем и институтов. В одном случае правительства, к которым апеллируют избиратели, ссылаются на глобализацию и её императивы как основание для бездействия и проповеди о безальтернативности статус-кво. В другом ссылки идут на брюссельскую бюрократию, в пользу которой делегирована национальная компетенция в тех или иных животрепещущих вопросах (надо полагать, отсюда сравнения восточноевропейцами Евросоюза с почившей Организацией Варшавского договора). Неудивительно, что ситуация оборачивается острым политическим кризисом представительной демократии: всё новые этапы интеграции не апробировались электоратом, соответственно, не было и содержательных дебатов. Так что связь между понятиями «суверенитет» и «демократия» является органичной. Кризис выявил и отношение элит к представительной демократии как управляемой в сравнении с прямой (опыт Швейцарии показывает, что именно обкатка тех или иных решений на частых референдумах обеспечивает устойчивость национальной политической системы).

Если и есть основания обвинять информационную политику России (тот же *RT*) в чём-то, то скорее можно судить об её американизации в плане методов работы и стиля подачи контента. В такой ситуации, когда игра идет на равных, выигрывает тот, на чьей стороне факты и доверие аудитории. Этой конкуренции не выдерживает «сконструированная реальность», которую западным элитам уже не удастся «продавать» своему электорату. Жупел «фейковых новостей» и «постправды» похож на защитную реакцию.

⁶⁴ См. Крамаренко А. Стратегия национальной безопасности Д. Трампа: «независимая Америка» и «мирное сосуществование»? // сайт РСМД. 9 января 2018 г. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-d-trampa-nezavisimaya-amerika-i-mirnoe-sosushchestvovanie/>

Россия не может выступать и в роли гаранта «либерального миропорядка» (если он вообще существует: почему не просто «послевоенный»?) без его существенного реформирования на инклюзивной, коллективной основе. Вопрос в том, устойчив ли он вообще, даже с западной точки зрения. В этом сомневаются внесистемные лидеры и протестный электорат. Для элит не стоит вопрос даже о попытке его адаптации к резко изменившейся реальности, что отнюдь не требует поступаться либеральными принципами и ценностями. Всё это смотрится как следствие неготовности истеблишмента что-либо менять в самом западном обществе – никакого «плана Б». Соответственно, Россия не может участвовать в проекте, который заведомо обречён, как это было и с войной в Ираке, в которую нас хотели вовлечь хотя бы на уровне чистой символики (скажем, дивизион ПВО на территории Кувейта). Для начала западным партнёрам надо предложить нам нечто реалистичное и являющееся предметом хоть какого-то согласия в их странах. Так что проблема отнюдь не в нашем нежелании вести такой разговор. Апеллируют также к светской культуре рациональности, которая-де рухнет под напором новых центров глобального экономического роста и политического влияния, представляющих иные культурно-цивилизационные традиции. Спрашивается: что было рационального в развитии Запада в последние десятилетия, особенно в период после окончания холодной войны? Получается также, что ничто не работает в обществе вне системы нравственных координат, даже такой убогой, как протестантская этика, выдающая доход с капитала за Божью благодать. Перемены на Западе в последние 30 лет в своей стремительности, глубине и масштабах попросту не учитывают фактор обыкновённой человеческой психологии. Упорство в переборе отдаёт либеральным фанатизмом. И речь-то идет всего лишь о признании гегелевского закона отрицания отрицания, т.е. не линейного развития, а по спирали.

Даже «Би-Би-Си» пишет о «похмелье» после краткого однополярного момента, связанного с окончанием холодной войны⁶⁵. В принципе такой разговор был бы возможен только в случае признания западными партнёрами того, что «либеральный порядок» стал элитарным (как совместить уровень неравенства XIX в. с демократией XX в.?) и что его надо как минимум переналадить, прежде всего в плане инклюзивности – на национальном (новый «общественный договор», раз рухнул прежний, а с ним социальная мобильность и сплочённость) и международном уровнях. Причём не на основе диктата, а на согласованных условиях⁶⁶.

Наиболее важный вопрос для нас, смогут ли США, которые не пошли на равноправные отношения с Россией с позиции силы, решиться на это в условиях собственной слабости. Соответствующие американские расследования, по сути, отдают отношения с Россией на откуп разведслужбам. Фигурируют не факты, а некое «общее мнение» американского разведсообщества. На фоне разоблачений в отношении демократов (заказ ими доклада

⁶⁵ Bryant N. The time when America stopped being great // BBC News. November 3, 2017.
URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-41826022>

⁶⁶ См. Арбатов А.Г. Крушение миропорядка // Россия в глобальной политике. 2014. №4.
URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporyadka-16918>

К. Стила с «компроматом» на Д. Трампа⁶⁷ и признание сенатора Э. Уоррен о том, что первичные выборы были подтасованы в пользу Х. Клинтон⁶⁸) эти расследования выглядят нелепо и потусторонне, как стремление жить в собственной реальности «до последнего», отрицая реальные источники конфликта в американском обществе. Об отсутствии вызывающих доверие доказательств говорит то, что американцы через европейцев предлагают российской стороне признать факт «вмешательства». Вызывает сожаление, что и британский истеблишмент после долгих колебаний и зная, что сильно рискует доверием к себе электората, всё-таки не устоял перед искушением и пошёл в конце года по американскому пути (правда, по линии одного из парламентских комитетов) в попытке возложить ответственность за «Брексит» на «происки Кремля».

Примечательно, что ещё в 2011 г. делались частные попытки призвать к демилитаризации внешней политики США и сделать упор на внутренних факторах экономического роста, дабы обеспечить конкурентоспособность страны в миропорядке, который уже не будет контролироваться из Вашингтона. В своём предисловии к такому проекту – «Видению национальной стратегии» (*A National Strategic Narrative*) – А.-М. Слотер (в 2009–2011 гг. занимала пост директора политического планирования Госдепартамента при Х.Клинтон) следующим образом сформулировала ключевой вызов Америке: необходимо создать условия для «перехода от контроля в закрытой системе к вызывающему доверие влиянию в открытой системе»⁶⁹. С этим трудно не согласиться – с тех пор ничего не изменилось. Такой подход, не навязанный американцам извне, а возникший в их собственном военно-политическом истеблишменте (авторы проекта – военные аналитики), отвечает всем требованиям рациональности и трезвого взгляда на вещи. Президент нью-йоркского Совета по международным отношениям Р. Хаас (также в своё время был директором политического планирования Госдепартамента) в своей последней книге «Мир в беспорядке» высказывается за прагматизм и инклюзивность в современных международных отношениях, поскольку в современном мире «требуются коллективные усилия для ответа на общие вызовы»⁷⁰. Словом, признаётся неизбежность смены системы координат в глобальной политике, то, что проблема не в России, не в её «ревизионизме» (в 1960-е гг. СССР обвиняли в этом грехе, но на Востоке), а в позиции западных элит, не желающих ничего менять. Для Советского Союза это закончилось плохо. Кстати, Ф. Фукуяма является одним из очень немногих на Западе, кто призывает элиты признать свою ответственность за нынешний кризис⁷¹.

⁶⁷ Clinton team and Democrats 'bankrolled' Trump dirty dossier // BBC News. October 25, 2017.
URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-41752908>

⁶⁸ Elizabeth Warren agrees Democratic race 'rigged' for Clinton // BBC News. November 3, 2017.
URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-41850798>

⁶⁹ A National Strategic Narrative / by Mr. Y with preface by Anne-Marie Slaughter. Woodrow Wilson Center, 2011.
URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/A%20National%20Strategic%20Narrative.pdf>

⁷⁰ Haass R. A world in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. N.Y., Penguin Books, 2018. P. 289.

⁷¹ Fukuyama F. American Political Decay or Renewal? The Meaning of the 2016 Election // Foreign Affairs. 2016. July/August.
URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/american-political-decay-or-renewal>

Об авторе

Александр Михайлович Крамаренко на дипломатической службе с 1974 г., после окончания МГИМО. Работал на североамериканском и британском направлениях.

В 2005–2011 гг. будучи членом Коллегии МИД России, возглавлял Департамент внешнеполитического планирования. В период его руководства департаментом, являющимся аналитическим центром министерства, был проведен первый в истории современной России Обзор внешней политики и подготовлена редакция Концепции внешней политики 2008 г., в которой сетевая дипломатия была впервые определена в качестве важнейшего метода внешнеполитической работы.

В 2011–2017 гг. работал советником-посланником (в ранге Посла) Посольства России в Великобритании. В сентябре 2017 г. вышел в отставку.

С ноября 2017 г. – директор по развитию Российского совета по международным делам.

Российский совет по международным делам

ИТОГИ 2017 ГОДА И ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ

Верстка – В. Пучков

Источники фото на обложке:

справа вверху: К.С. Петров-Водкин, «Купание красного коня»;
слева внизу: Обложка первого издания «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера;
справа внизу: К.С. Малевич, «Англичанин в Москве».

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,1. Тираж 150 экз.

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)

119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1

Тел.: +7 (495) 225 6283

Факс: +7 (495) 225 6284

E-mail: welcome@russiancouncil.ru

www.russiancouncil.ru